

Алла Полански

ВЕРЬ ТОЛЬКО
сердцу

16+

Алла Полански

Верь только сердцу

<https://litres.ru/44479259>

SelfPub; 2021

Аннотация

В результате несчастного случая в доме Вячеслава поселяется Алёна – приветливая девушка из небольшого провинциального городка. В свои юные двадцать лет она настолько наивна и непосредственна, что своей простотой нередко напоминает двенадцатилетнего подростка. Хозяин дома – взрослый мужчина, владелец крупной столичной корпорации. Чтобы проверить порядочность Алёны, друг Вячеслава предлагает ему эксперимент – соблазнить девушку: её тело в обмен на его деньги. Однако благоразумный мужчина не хочет становиться участником соращения неопытной девчонки. Любовная интрижка с ней невозможна, да и жениться он пока не собирается. Но всё же есть в Алёне что-то, что притягивает, словно магнит, и подталкивает переступить запретную черту. Ведь с ней всё по-другому, не так, как с остальными женщинами...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	34
ГЛАВА 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алла Полански

Верь только сердцу

ГЛАВА 1

Визг тормозов хлестнул по барабанным перепонкам. Он ничего не успел понять, сообразить. Тело среагировало само. Нога мгновенно вдавила педаль тормоза до упора, руки вывернули руль резко вправо. «Убил!», – пронеслось в голове. Он закрыл глаза, уронил голову на руль и замер. Перед мысленным взором предстало окровавленное смятое тело девчонки в голубом плаще под колёсами его «Мерседеса». Невероятным усилием воли заставил себя снять дрожащие ладони с руля, непослушными руками открыть дверцу и выйти. Ватные ноги не слушались. В предрассветный час на улице не было ни души. Свидетелей нет. И что? Не будет же он скрываться с места наезда, бросив труп на дороге.

С замиранием сердца заглянул под передние колёса. Трупа не было. Он присел и глянул под машину. Никого. Девчонка лежала посреди дороги на спине, слегка раскинув руки, далеко, слева от машины. Он медленно подошёл к ней, нагнулся, тронул её за безжизненную руку. Никаких следов крови не было видно.

– Эй, ...ты жива?

Длинные ресницы на бледном лице дрогнули. Она открыла глаза и вполне осмысленно и спокойно взглянула на него.

– Что болит? Где больно, а? Руки-ноги на месте? – он бегом оглядел тело, присел, осторожно приподнял её голову.

– Ничего не болит. Только голова... кружится.

Он осторожно поднял девушку на руки и отнёс в машину, уложил на заднее сиденье.

– У меня там сумка...

Небольшую серую сумку он нашёл метрах в десяти от того места, где подобрал её хозяйку. Положил сумку на переднее сиденье, ещё раз испытующе посмотрел на девочку.

– Может, всё-таки болит что-нибудь? А то давай отвезу в больницу.

– Не надо в больницу.

Вздохнул с облегчением. Ему и самому не хотелось связываться с больницей. Отвезет её домой. Конечно, осмотр врача необходим. И срочно. Ничего, он позвонит Алексею Дмитриевичу. Главное, что она жива и цела. Конечно, от такого удара и падения на асфальт наверняка есть сотрясение мозга, ушибы, психическое потрясение. Но, слава Богу, не убил и вроде не покалечил. Расслабился, как дурак, мчался на всех парах по пустынным улицам. Забыл, что и на расвете шоссе всё-таки не космос, где можно свободно нестись на сверхзвуковой скорости хоть с закрытыми глазами. Разве так можно?..

Включил зажигание, оглянулся назад – лежит, закрыв гла-

за. А вдруг у неё повреждение внутренних органов: разрыв селезёнки или какого-нибудь сосуда, и, как следствие, внутренне кровотечение? И он сейчас только теряет драгоценное время.

– Эй, тебе плохо?

– Всё хорошо. Правда, хорошо.

Ну и, ладушки. Хотя ничего хорошего он в этой ситуации не видит. Тронул машину, по мобильному позвонил домой Алексею Дмитриевичу. Ничего, что так рано. За то ему и деньги такие платят, чтобы в любое время по мельчайшему поводу его могли потревожить.

– Алексей Дмитриевич, дорогой, вас беспокоит в столь неурочный час Фетисов. Прошу прощения за беспокойство, но дело не терпит отлагательства. Приезжайте ко мне домой. ...Да, прямо сейчас. Срочно. Надо посмотреть одну девушку. Дело в том, что я сейчас совершил на неё наезд. На первый взгляд вроде всё обошлось, но сами понимаете... Везу её к себе домой. Осмотрите её, пожалуйста.

Из машины она вышла сама и, поддерживаемая мужчиной, пошла к крыльцу. Дома уложил её на диван в холле, принес из своей спальни плед, накрыл. Тут же явился и Алексей Дмитриевич. После двадцатиминутного тщательного осмотра поставил диагноз: жива, практически здорова, похоже, небольшое сотрясение мозга – и только. Полный покой, тишина, как можно больше спать, лежать, избегать резких движений и пунктуально принимать таблетки: эти, белые, четы-

ре раза в день до еды; эти, розоватые, три раза в день после еды. Осталось только обработать ссадины перекисью водорода и йодом, и всё.

Он будет заезжать каждый день, чтобы наблюдать пациентку. А сейчас, чтобы красавица, кстати – как зовут нашу красавицу? – ах, Алёнушка, какое славное имя, чтобы Алёночка крепко спала, он сделает ей небольшой укольчик. Со-всем небольшим, как укус маленького комарика, вот сюда, в руку. ...Вот и всё, вот и умница. Какая славная девочка Алёночка. Через пятнадцать минут наша девочка будет спать младенческим сном до самого завтрашнего обеда. Спокой-ной ночи, детка. Тебе надо сейчас отдыхать. Всё будет хоро-шо.

Когда Алексей Дмитриевич вышел в прихожую, Вячеслав Вадимович вышел следом за ним.

– Действительно нет никакой опасности?

– Абсолютно. В этом нет никаких сомнений. Единствен-ное – возможен впоследствии психический срыв, так ска-зать, ответная реакция организма на произошедшее, когда она окончательно придёт в себя. Честно говоря, я не понял причину её хладнокровия. Либо у девушки очень крепкая нервная система, и она, несмотря на юный возраст, прекрас-но умеет контролировать себя, либо она всё ещё находится в состоянии шока. Я не специалист в области психиатрии. Но, по-моему, здесь первый вариант. Похоже, девушка на удив-ление психически устойчива. Что касается её физического

состояния, то нет никаких внутренних и внешних повреждений, не считая ушибов, пустяковых царапин и ссадины. Везучая девчушка. Но полный покой как минимум на две недели ей необходим.

«Везучий я», – подумал Вячеслав, закрывая за доктором дверь.

Страшно подумать, что он мог бы стать хоть и невольным, но убийцей.

Когда утром, как всегда к десяти, пришла Ирина Аркадьевна, экономка дома, то увидела безмятежно спящую на кожаном диване в холле незнакомую светловолосую девушку. Сергей, работающий в доме охранником, пояснил, что незнакомку привёз под утро сам хозяин. Вроде бы он её ночью нечаянно сбил машиной, но срочно вызванный Алексей Дмитриевич сказал, что ничего страшного с ней не произошло, ей только надо отлежаться. Его слова подтвердил и сам Вячеслав Вадимович, через час появившийся из своей спальни.

– Я на фирму, а вы, Ирина Аркадьевна, проследите, чтобы девочку никто не беспокоил, а как проснётся, пусть принимает эти лекарства согласно указанию Алексея Дмитриевича. Ей нужен полный покой. И никуда её не отпускайте. Она приезжая, вчера только прибыла в Москву в поисках работы. Недели две как минимум она проживёт здесь. Так что пока она спит, подготовьте ей комнату из числа пустующих в крыле для персонала. Ещё раз: покой, полноценное питание,

витамины. Если ей будет плохо, немедленно зовите Алексея Дмитриевича. Впрочем, вы сами всё знаете. До вечера.

И опять потекли дни за днями без особых потрясений и происшествий. Алёна быстро шла на поправку. Через два дня она уже вовсю гуляла по дому, а ещё через день с удовольствием прогуливалась по разросшемуся саду. Сад был большой, тенистый, ухоженный. Деревья в него высаживались семь лет назад. Их привозили в огромных кадках и, используя подъёмные механизмы, погружали в подготовленные здоровущие ямы, чтобы не повредить корни. Как говорил хозяин дома, он всю жизнь мечтал иметь собственный большой уютный дом с огромным разросшимся садом вокруг него, но ждать, когда из саженцев вырастет таковой, у него нет времени. Позади дома раскинулся небольшой бассейн.

Был взят на работу, разумеется, по рекомендации, опытный садовник, который за одно лето сделал из пустынного и неуютного участка земли вокруг только что выстроенного дома чудесный сад, где берёзы и сосны прекрасно соседствовали с яблонями, грушами и вишнями. Уже следующей весной на тщательно ухоженных газонах буйно цвела белая и сиреневая сирень, благоухали акация и жасмин. На клумбах, на смену тюльпанам, нарциссам и гиацинтам, цвели гладиолусы и флоксы, так же затем сменяемые нежными цветами лилий и яркими астрами. Пышные кусты роз цвели с ранней весны и до поздней осени, вплоть до первых заморозков. Был

устроен в саду и небольшой романтический уголок с чугунной резной скамейкой, фонарём, стилизованным под старину, крошечным искусственным озерцом, получающимся из тонкой струйки, которую делал писающий мальчик – точная миниатюрная копия известного фонтана.

Лев Аронович, садовник с сорокалетним стажем, страстно влюблённый в своё дело, выложил здесь специально привезёнными глыбами и камнями причудливые композиции. Между ними была посажена особая ползущая ярко-зелёная трава. Камни вскоре обросли мохом, трава расплзлась и покрыла ровным густым ковром весь участок, отчего он стал выглядеть очень уютно и как-то весело. Была в саду и беседка, увитая плющом, рядом с которой в летние сухие дни между двух берёз вешали гамак на случай, если хозяину или кому-нибудь из его гостей захочется полежать в тенёчке на свежем воздухе. Был и огромный открытый участок, засеянный травой, которая тщательно подстригалась время от времени газонокосилкой.

В другом конце сада заботливыми руками устроен уголок иного характера, нечто в стиле модерн. Здесь были высажены в хаотическом беспорядке самые разнообразные экзотические растения, стояла странная абстрактная скульптура, сделанная очень модным скульптором-авангардистом, в которой люди, обладающие богатой фантазией, могли узреть всё, что им заблагорассудится. Рядом простирался закрытый с трёх сторон навес, под которым располагался мангал и по-

ленница дров.

В общем, получился сад, смешавший в себе все стили и направления – от русско-дворянского и модернового до классического английского. И любой мог найти в нём то, что близко и дорого лично ему.

Наступил месяц май, и окончательно проснувшийся сад оживал на глазах. Лев Аронович трудился, не покладая рук, с рассвета до заката. Это был ярый садовод и отчаянный фанатик своего дела. Он, порой забывая о сне и еде, часами мог колдовать над кустами и рассадой цветов, которая ждала своего часа в оранжерее. Охранник дома, он же по совместительству водитель, Сергей, чьё детство прошло в деревне, в свободное время с удовольствием копал, где его просил садовник, рыхлил землю, носил в вёдрах навоз и торф, удобрял, полыл и поливал. Алёна тоже со временем подключилась к садово-земляной работе. Она научилась подрезать кусты и деревья, опылять их специальными растворами, с удовольствием обрызгивала из пульверизатора рассаду. У Льва Ароновича она переняла привычку потихоньку, себе под нос, разговаривать с деревьями и цветами.

– Сейчас я вас обрызгаю, и листочки ваши сразу распустятся, – уговаривала она крошечную рассаду астр, – ах, вы мои лапушки, вы мои красавицы.

Алёна вместе с Вероникой, одной из горничных, работающих в доме, каждое утро после ухода Вячеслава Вадимовича в два пылесоса пробегались по всем коврам, что имелись

в доме, протирали пыль с мебели, проветривали комнаты. Алёна также вместе с другой работницей Светой с удовольствием помогала на кухне повару Нине Петровне. Она ловко чистила картошку и овощи, шинковала капусту, выжимала свежий апельсиновый сок, который каждое утро в обязательном порядке выпивал на завтрак Вячеслав Вадимович.

Хозяина в доме уважали и немного побаивались. Говорили, что он справедливый, но строгий. Как поняла Алёна, он являлся владельцем весьма солидной фирмы и совладельцем крупной компании, работающей с какими-то финансовыми документами. В этом она ничего не понимала и поэтому даже не пыталась вникать. Слабость и головокружение, которые она ощущала первые дни своего проживания в его доме, совсем прошли. Она прекрасно себя чувствовала, у неё всегда было хорошее настроение, и, чтобы не быть нахлебницей в чужом доме, она бралась за любую посильную для неё работу, тем более, что трудиться была приучена с раннего детства и работы не боялась.

ГЛАВА 2

Через неделю своего пребывания в этом доме, как бы ни хотелось ей отсюда уходить, но стало уже совестно пользоваться гостеприимством чужих людей. Поэтому она обратилась к экономке и главной горничной Ирине Аркадьевне с тем, что пора ей, Алёне, и честь знать, что она себя уже прекрасно и бодро чувствует и может уйти прямо сейчас.

– Вячеслав Вадимович сказал, что ты должна прожить здесь не менее двух недель. Его распоряжения в этом доме не обсуждают, а беспрекословно выполняют. Поэтому, Алёна, придётся тебе пожить здесь ещё как минимум с недельку. Тебя что-то не устраивает?

– Что вы? – удивилась Алёна. – Всё очень устраивает. Куда уж может быть лучше? Я просто не хочу быть вам обузой.

– Ты никому не мешаешь. Дом большой. Живи пока. Места всем хватает.

Ещё бы не хватало. Дом был солидный, двухэтажный, с цокольным этажом и с двумя широкими крылами, с огромным парадным входом с колоннами и двумя чёрными входами с торцов. Алёна даже не предполагала, что в Москве бывают такие дома. Думала, что это только за границей люди живут в особняках и вилах. У неё была в этом доме своя комната с телевизором, добротной мебелью и всем необходимым. Никогда в жизни у этой девушки не было собствен-

ной комнаты, поэтому она страшно радовалась, что вечером могла уединиться в ней, посмотреть фильм или читать до полуночи под светом настенного бра, лёжа в кровати, не боясь при этом никому помешать.

Алёна была совестливой девушкой и поэтому старалась честно отработать хлеб, что ела в этом доме. А ела она здесь не только то, что привыкла покупать в родном городке. Впервые в жизни она попробовала ананас, и ей очень понравился его терпкий вкус. Изведала плоды манго, кокосового ореха, шоколадного мусса и других деликатесов. Попробовала она и варёные креветки, которые так ужасно выглядят, но такие божественно вкусные. Нина Петровна оказалась большой мастерицей по части выпечки, а её треугольные пирожки из слоёного теста с капустой и мясом – выше всяких похвал. Девушка старательно переписывала в тетрадку рецепты, которыми с ней щедро делилась эта добрейшая женщина.

– Рецепты – рецептами, но надо всё пробовать делать своими руками. Ну-ка, давай, девочка, я буду говорить, а ты сама, своими ручками делай. Руки – они памятливые. Иной раз рецепт забудешь, что да как надо делать, а руки помнят и сами делают. Муку-то ложками не бухай, её просеивать надо, понемногу добавляя, воздухом насыщать, тогда и тесто будет воздушное, да пышное, – приговаривала она.

Однажды Вячеслав Вадимович неожиданно позвал её с собой покататься по Москве. То есть он ездил по делам, а Алёна сидела на заднем сиденье и с любопытством глазела

в окна.

– Ты Москву видела? – спросил он её накануне перед этим.

– Не-а. Не успела. Я ведь приехала поздно вечером, почти ночью, пришлось сидеть на вокзале. А как стало чуть светать, я пошла гулять, невтерпёж было, наконец, увидеть Москву.

– В это время я тебя и накрыл своей тачкой, – догадался он.

– Ага. Я даже сообразить и почувствовать тогда ничего не успела. Просто – бац... и темнота!

– Что ж, попробую компенсировать твою несостоявшуюся прогулку по столице. Покажу тебе город. Завтра с утра поедем.

И вот теперь они ехали по шумным переполненным улицам столицы. К своему удивлению, Вячеслав Вадимович вскоре должен был сам себе признаться, что Алёна знает город и его историю куда лучше его самого. Она сама ему рассказывала и почему так названа улица, и как она называлась раньше, и что было вначале на этом месте. Она так и сыпала именами, историческими фактами и датами. Надо сказать, что рассказывала она очень интересно и эмоционально. Ему было любопытно узнать, почему «Китай-город» называли именно так («и вовсе не в честь китайцев»), что означает выражение «Кричать на всю ивановскую», почему Лобное место на Красной площади называли именно Лобным. Алёна даже дала прогноз близкому будущему города с точки зре-

ния Нострадамуса («город на семи холмах погибнет»), с точки зрения учёных («Москва, в конце концов, провалится в пустоты, что образовались под ней») и с точки зрения ясно-видящих («наступит эпоха золотого процветания»). Правда, реагировала она на всё очень уж непосредственно:

– Ой!! – визжала она так, что у него закладывало уши.
– Это же памятник князю Юрию Долгорукому! – А потом уже следовал её обстоятельный рассказ о самом Долгоруком и его великих делах, за которые признательные горожане и увековечили его в камне.

– Откуда ты всё знаешь? – удивился Вячеслав Вадимович.

– Я много читаю, люблю до всего докапываться. Как говорил наш классный руководитель Иван Васильевич, у меня пытливый ум. И к тому же у меня хорошая память.

– И наверняка были пятёрки по истории и по географии.

– Да. Я даже в десятом классе заняла первое место на районной олимпиаде по истории.

– Молодец. Мне будет приятно осознавать, что пылесосит ковры и моет полы в моём доме такая весьма образованная барышня. Хочешь мороженое?

– Спрашиваете... Мороженое я всегда хочу.

– Вон как раз и кафе-мороженое. Пойдём. И брось шарить по карманам, я угощаю.

Алёне всё больше и больше нравилось жить в этом уютном, просторном и красивом доме. Жаль только, что время летит мгновенно. Вот и вторая неделя на исходе.

Вечером Ирина Аркадьевна сказала девушке, что её приглашает в свой кабинет Вячеслав Вадимович. Всё ясно: ей пора собирать вещи. И так зажила здесь, пора и уезжать. Она грустно вздохнула, оправила волосы и поднялась на второй этаж. Постучала в тяжелую дубовую дверь кабинета.

– Войдите.

Она вошла. Села на предложенное Вячеславом Вадимовичем кресло. Он посмотрел на неё долгим изучающим взглядом. Наконец, после продолжительной паузы, в течение которой она, почувствовав себя неловко, стала уже ёрзать в кресле, он заговорил.

– Алексей Дмитриевич сказал, что ты совсем поправилась. Это так?

– Да. Верно. У меня всё в полном порядке и уже давно. Спасибо Вам за гостеприимство, за заботу. Мне было у Вас очень хорошо. Я Вам глубоко благодарна за всё. Вы хороший человек, Вячеслав Вадимыч. Завтра же утром я съеду. Сейчас пойду собирать вещи.

– И куда же ты съедешь?

– Ну... Я ещё не знаю... Ничего, что-нибудь придумаю. Попробую обратиться в агентства по трудоустройству. Я могла бы работать нянечкой или гувернанткой. Я ведь закончила педучилище.

Он в сомнении покачал головой:

– У тебя нет московской прописки, да и чтобы устроиться в приличный дом нянечкой, нужна рекомендация. Так что

вряд ли это у тебя получится.

– Господи, Вячеслав Вадимыч, устроюсь куда-нибудь! Пойду на рынок торговать фруктами или вещами. Или в уборщицы, подъезды мыть. Им, говорят, выделяют служебную комнату. Там видно будет. Это уж мои проблемы.

Он встал из-за стола, стал ходить из угла в угол кабинета в задумчивости, заложив руки за спину. Остановился перед нею.

– Эх, Алёна. Глупая ты ещё совсем. Дитя. Жизнь в столице кишит опасностями для таких молоденьких провинциалочек, как ты. Ты даже не представляешь, что случается иногда с такими наивными девчонками. Что же делать с тобой?.. Тебя хвалит Ирина Аркадьевна. Да и Нина Петровна со Львом Ароновичем о тебе хорошего мнения. Я тут прикинул... в принципе, ещё одна единица персонала мне не помешает. Если хочешь, можешь оставаться работать здесь и с завтрашнего дня приступить к работе. Что скажешь на это?

– А жить я буду в той же комнате?

– А чем она тебе не нравится?

– Что Вы! Очень даже нравится! Очень! Я с удовольствием буду здесь работать. Мне здесь всё так нравится! Мне ещё никогда в жизни не было так хорошо, как в вашем доме. Честное слово!

– Но имей в виду: Ирина Аркадьевна – женщина требовательная и строгая. Ты должна будешь строго выполнять все её задания. Если ты будешь лениться или артачиться,

или капризничать, то здесь не удержишься. Так уже было с несколькими девушками. И ещё... Никаких отлучек в рабочее время без разрешения. Конечно, во вне рабочее время и в выходные ты вправе сама распоряжаться своим свободным временем. Гуляй по городу, знакомься с молодыми людьми, заводи подруг. Ты молода, тебе надо будет со временем устроить свою жизнь. Но ни в коем случае ты не имеешь права приводить в этот дом никого постороннего. Ты не должна никому ничего рассказывать о том, что происходит в этих стенах: кто здесь живёт, какие здесь порядки, кто и чем занимается. Категорически никакой информации посторонним обо мне! Вообще никому! Ты должна будешь вести морально-чистоплотный образ жизни. Время от времени необходимо будет проходить медосмотр у Алексея Дмитриевича, сдавать анализы. Всё ясно?

– Конечно. Я всё поняла.

– Вот и хорошо. А сейчас иди к Ирине Аркадьевне. Получай у неё инструктаж. Закажите в ателье тебе такое же фирменное платье, как у Светы и Вероники. Если будут проблемы, обращай ко мне или к Ирине Аркадьевне. Разумеется, в любой момент можешь уволиться, если подберёшь себе другую работу. Напомни Ирине Аркадьевне, чтобы оформила тебе временную прописку. Ну, пожалуй, всё. Успехов в работе.

– Спасибо Вам, Вячеслав Вадимыч! Я буду стараться! – просяла Алёна, вскочила с кресла и вприпрыжку побежала

из кабинета искать Ирину Аркадьевну.

– Детский сад, – усмехнулся он, когда дверь за нею закрылась, и вновь погрузился в деловые бумаги, что лежали на столе перед ним.

Май был на исходе, лето готовилось вступить в свои права. Весна в этом году вышла ранняя, тёплая, солнечная. В бело-розовый душистых облаках стояли яблони и вишни. Трава щедро выпустила из земли свои нежные зелёные стрелочки. Алёна совсем освоилась в доме. Если у остальных нанятых людей существовал определённый круг обязанностей, то у Алёны – универсальный. Она работала и в саду, и крутилась на кухне, перенимая фирменные секреты Нины Петровны, её можно было застать и за уборкой, и за стиркой, и за мойкой окон, и даже за покраской полок. Она очень толково выполняла все поручения Ирины Аркадьевны, так, что та уже вскоре со спокойной душой могла доверить ей и оплату счетов, и покупку продуктов, и отправку писем, и ещё много разных мелких и больших дел. Алёна летала, словно на крыльях. Всё у неё получалось ловко, аккуратно, ладно, быстро.

– Смышлёная, старательная, – докладывала о ней хозяйину Ирина Аркадьевна, – я ею пока очень довольна. Вы хотели взглянуть на её личное дело – вот, я принесла. Договор с ней, я думаю, надо оформить пока до первого сентября. Там будет видно.

Вячеслав Вадимович кивком головы отпустил Ирину Ар-

кадьевну. Открыл личное дело Алёны Гурьевой. На всех людей, работающих в доме, на фирме и в компании, он имел такое личное дело. Как говорится, нелишне знать, кто живёт и работает рядом с тобой, тем более, в твоём доме.

На него смотрела с фотографии Алёна. Ей не дать её двадцати лет. В тот день, когда он сшиб её машиной, ему показалось, что он наехал на школьницу, подростка. Лицо на фотографии серьёзное, глаза большие, серые, волосы золоти-сто-медные, чуть выются, собраны в хвостик. Он как-то спросил её, откуда она берёт эти чёрные резинки для хвоста, и она охотно пояснила, что их у неё много, она нарезала их от старой дырявой велосипедной камеры.

Окончила среднюю школу в городе Енисейске, затем сразу же поступила учиться в педагогическое училище и закончила его с отличием. Проработала несколько месяцев нянечкой в детском саду, откуда была уволена в связи с его закрытием. Три месяца была безработной, потом уехала в Москву. Не пьёт, не курит, на учёте в милиции не состоит. Родители погибли пять лет назад. Автобус, в котором они ехали, сорвался в обрыв. Есть старшая сестра Валентина, которая имеет двух малолетних сыновей и состоит в гражданском браке с неким Кузьминым, уже три года не живущим с семьёй. Проживают по адресу: г. Енисейск, улица 7-я Северная, дом 9, комната 22. Сестра работает на лакокрасочном заводе, племянники посещают детский сад.

Всё, больше никакой информации. Что ж, пусть работает

пока, время покажет, что она из себя представляет.

Он расписался в договоре и положил его в папку.

ГЛАВА 3

В первых числах июня из Санкт-Петербурга приехал погостить племянник хозяина Мишка. С единственной сестрой у Вячеслава Вадимовича отношения были, мягко говоря, не очень тёплыми, но племянника он искренне любил. Мишка закончил шестой класс почти ударником, как говорил он сам. Тройка по алгебре не в счёт, так как он ведь не виноват, что математичка у них в гимназии полная дура и истеричка. Он заметно вытянулся с зимних каникул, когда в последний раз гостил в доме дяди. Это был крепкий, спортивного вида подросток, смуглый в отца, с чёрными смоляными вихрами, самовольно завивающимися в крупные кольца, чем доставляли своему хозяину большое огорчение. Мишка пытался их выпрямлять с помощью разных гелей или ножниц, но это давало только кратковременный эффект.

Его с вокзала привёз на машине Сергей. Был Мишка в приподнятом настроении, так как впереди целое огромное лето, наполненное отдыхом и развлечениями. А самое главное – он целых три месяца не будет видеть так горячо ненавистную им психичку-алгебраичку.

В доме все любили и, как могли, баловали мальчишку. Для него специально держали велосипед, ракетки для бадминтона, скейтборд и ролики. Была сделана около дома и бетонированная дорожка, на которой он гонял на роликах и

скейтборде.

Вечером первого же дня, как прибыл племянник, Вячеслав Вадимович наблюдал из окна забавную картину, как Мишка носился на роликах по очереди с Алёной. Они вообще как-то моментально нашли общий язык. Играли вдвоём в бадминтон, гоняли между кустов мяч, в выходной Сергей отвёз их в парк покататься на каруселях. Причём, Мишка был на правах опекающего и с видом бывалого человека снисходительно учил провинциалку тонкостям столичной жизни.

Алёна была способной ученицей и моментально научилась кататься на роликах и скейтборде, пользоваться мобильным телефоном, гонять на машине в компьютерных гонках, иногда даже выигрывая у своего учителя. Она так бурно радовалась, когда ей это удавалось, что Мишка время от времени ей поддавался. Алёна освоила с помощью Мишки и ставшую в последнее время очень популярной в Европе игру гольф. В гольф Мишка научился играть в гимназии. Это была весьма продвинутая гимназия, где обучались дети состоятельных петербуржцев, которым стараниями тщательно подобранного состава преподавателей с молодых ногтей прививались хорошие манеры, давались основательные знания и которых, к тому же, обучали тем навыкам, что могли пригодиться в их будущей жизни, в частности, умению играть в теннис и гольф.

Иногда втихаря, чтобы их не засекала Ирина Аркадьевна, они играли в саду в беседке в карты, чему Алёну научил

опять-таки Мишка. А вот игре в шахматы Мишку обучила Алёна. Оказывается, она три года в школе ходила в шахматный кружок и даже однажды выиграла школьный шахматный турнир. Но больше всего Мишка любил слушать Алёнкины рассказы, когда они усаживались вечером или в холле, если там никто им не мешал, или в Алёнкиной комнате, или в саду на гамаке. Открыв рот, он слушал её рассказы о Шерлоке Холмсе, детективы Агаты Кристи и приключения Алисы в Стране чудес. Она так интересно рассказывала, что Мишка готов был, не отрываясь, слушать её часами. Глядя со стороны, можно было подумать, что это брат и сестра.

– Я смотрю, вы с Алёной крепко подружились? – спросил как-то племянника Вячеслав Вадимович.

– Она классная девчонка, – с чувством ответил Мишка, – если бы я был взрослым, то обязательно бы на ней женился. Дядя Слава, женись на ней. Клёвая будет жена.

Вадимович удивлённо хмыкнул: ну и мысли у шибзика. Лёжа в постели перед сном, он неожиданно вспомнил Мишкины слова и задумался. Ни разу он не посмотрел на Алёну в таком ракурсе. Была она в его понятии зелёной наивной пацанкой. Он попытался представить её рядом с собой в ресторане в вечернем туалете и усмехнулся. Тогда ей непременно нужно надеть длинное платье, чтобы не было видно обработанных зелёнкой ссадин на коленках, которые она постоянно зарабатывает себе при катании на роликах или игре в футбол. И уговорить её, наконец-то, отказаться от чёрных рези-

нок от велосипедной камеры и от привычки грызть ногти и сосать леденцы.

Впрочем, если её приодеть, навести макияж, сделать маникюр и стильную стрижку, дать несколько уроков этикета, то она может выглядеть вполне прилично. Только он не педофил и никогда не имел склонности к невинным Лолитам. Ему больше импонируют зрелые женщины, которые понимают что к чему. Впрочем, ей уже двадцать лет. Как говорится, вполне созрела. Может быть, и созрела физически, но по нравственному развитию она ещё находится на уровне двенадцатилетнего Мишки. Нет, она совсем не глупа, но наивна, что ли. Однако что об этом думать?.. Пора, видно, навестить Мариночку или Юлю, а то его уже на нимфеток скоро потянет. Бизнес бизнесом, но временами природа берёт своё.

Он сладко потянулся, зевнул, перевернулся на бок и скоро заснул. Снилось ему Алёна, катающаяся в длинном вечернем искрящемся платье на роликах. Сзади неё красиво развевался шлейф платья, а розовые страусиные перья на голове плавно качались в такт её движениям...

По делам фирмы Вячеслав Вадимович вылетел на две недели в Италию. Если в Москве было жарко, то в Неаполе стояло просто пекло, на фоне чего московская погода вспоминалась прохладным раем. В номере гостиницы, где он остановился, конечно, был кондиционер, и самое жаркое время дня Вячеслав Вадимович вынужден был проводить в

своём номере. По заведённой несколько лет назад привычке, около восьми часов, ежевечерне перед уходом домой Ирина Аркадьевна докладывала ему о состоянии дел прожитого дня: лично – если он был в это время дома, по телефону – если он отсутствовал.

Он позвонил сам.

– Добрый вечер, Ирина Аркадьевна. Как там наши дела?

– Добрый вечер, Вячеслав Вадимович. Слава Богу, всё в порядке. Никаких происшествий, обычный день. Из хороших новостей – на улице, наконец-то, идёт долгожданный дождь. А то Лев Аронович весь испереживался за сад и за цветы. Как он их не увлажняет, как не оберегает, а всё живое никнет под этим зноем. Сейчас старик просто ожил на глазах вместе с садом.

– Что ж, я рад за него. Как там Мишка? Чем занимается?

– Алгеброй.

– Чем-чем?!

– Алёна уговорила его позаниматься по алгебре. Он сначала брыкался, отнекивался, а потом как-то увлекся. Не зря, видно, она закончила педучилище, у неё явно педагогические задатки. Я даже освободила её от некоторых обязанностей по дому, чтобы у неё было больше времени для занятий. Мишка говорит: «Утру нос алгебраичке. У тётки глаза на лоб выскочат, когда я схожу любую задачку ей решу шутя».

– Что ж, пусть дерзает. Грызть гранит науки никогда и никому не было во вред. Послезавтра приеду. Доброй ночи.

– До свидания.

Молодец, девчонка. Легче его, Вячеслава Вадимовича, уговорить заниматься балетом, чем Мишку алгеброй. Ай, молодец! Привезти ей что ли сувенир какой?..

Алёна всё больше и больше свыкалась с новым местом обитания, с людьми, живущими и работающими в доме. Как всё же ей повезло, что так сложилось, что она попала именно сюда, где ей все так нравится, всё так по душе.

Как-то она поделилась со Светой своими мыслями, и та поддержала её:

– Тебе действительно повезло. Я ведь несколько мест сменила, прежде чем сюда попала. В одном доме батрачить приходилось с раннего утра до ночи, а платили сущие копейки. Я тогда с хронического недосыпа на ходу спотыкалась. В другом доме хозяйка стервушая попалась, чуть что не по ней, руки распускала. Один раз меня так скалкой огрела за то, что молоко убежало, что из глаз искры посыпались. Рентген показал, что у меня вот здесь трещина кости была. Ушла оттуда. В другом доме хозяин очень уж любвеобильный попался, ни одной юбки не пропустит, еле от него отбилась. Так он за то, что несговорчивая оказалась, мигом меня вышвырнул. Из четвертого дома на Рублёвке я через две недели сама сбежала, хоть и хорошие деньги платили. Какие-то ненормальные хозяева попались, чёрной магией, оккультизмом, спиритизмом, колдовством и ещё чёрт знает, чем увле-

кались. Представляешь, у них дома на столе человеческий череп стоит, на стенах какие-то кости, и странные маски развешаны, в террариуме настоящая гадюка и огромные чёрные тарантулы ползают, в саду днём лемуры прыгают, а ночью койоты бегают. Ужас! Я по ночам спать не могла, всё казалось, что под кроватью змея шуршит, в саду койоты воют, и всюду тарантулы мерещились. Б-р-р-р! А здесь я себя как дома чувствую. Ирина Аркадьевна хоть и строгая, но справедливая, с ней всегда договориться можно.

– А у тебя семья есть?

– Вот деньги заработаю и рожу ребёнка. Замужество мне уже вряд ли светит. Все же тридцать два стукнуло, а ребёнка для себя ещё не поздно родить. Год-два проживу здесь и вернусь в свою Уфу к родителям. А ты знаешь, что Вероника кандидат технических наук? Нет? Да честное слово! Просто НИИ, где она работала в своём Томске, закрыли. Вот она и подалась в Москву. У неё сыновья студенты, она и зарабатывает деньги им на учёбу, мужа ведь нет, рассчитывать не на кого. Где-где... Ушёл к другой, помоложе. Обычная история. А Нина Петровна около двадцати лет старшим поваром в ресторане проработала, а три года назад Вячеслав Вадимович её переманил к себе. Он дядька неплохой, нормальный, да и видим мы его не так уж часто. В общем, жить и работать здесь вполне можно, тем более, за такие деньги. Опять-таки кормёжка нормальная, у всех своя комната, регулярный медосмотр, если надо – бесплатное лечение, к праздникам и

дням рождения дополнительный конверт с деньгами, всегда свободно можно позвонить домой, не злоупотребляя, конечно, не болтая лишнего. Ты старайся, разве в своём Енисейске найдёшь такую работу? Да ни в жизнь. Глядишь, года за три-четыре накопишь на квартиру для сестры и племянников. В принципе, здесь можно так прожить, чтобы заработанные деньги совсем не тратить: кормят, поят, одевают, лечат. Что ещё надо?

Алёне больше ничего не надо было, и она старалась.

Макушка лета совпадала по времени с днём рожденья Вячеслава Вадимовича. Свой тридцать шестой день рождения он решил праздновать без помпы и фанфар. Довольно того, что в прошлом году угрохал на это мероприятие такую круглую сумму, что до сих пор как вспомнит, так в затылке чешет. Какого фига пыль людям в глаза пустил? Рокфеллер хренов. Так что обойдёмся на этот раз без Киркорова, без Ротару, без ребят из Камеди Клаба, без цыган, дрессированных медведей, стриптизёрш и салютов. Арендовать ресторан для бурных возлияний тоже не хотелось. Если бы можно было, он бы просто слинял на эти дни из Москвы. Но некоторые не поймут, осудят. Он просто сделает небольшой фуршет в офисе, а домой на торжество пригласит только самых близких друзей, коллег, партнёров и самых необходимых людей.

Чтобы не обременять Нину Петровну праздничным ужином, его было решено заказать в ресторане. Дома только всё

оформить, подогреть и празднично сервировать столы.

Ирина Аркадьевна с ног сбилась, всё организовывая. Она потеряла покой и сон, боясь что-либо упустить или забыть в спешке. Решено было накрывать столы в саду. Но на случай внезапного дождя спешно освобождался холл от всего лишнего, чтобы можно было быстренько всё переиграть. Приглашено было четыре официанта для обслуживания гостей и подачи блюд. Уже был окончательно утверждён список приглашённых, тщательно продумано меню и сценарий, разосланы приглашения и получены подтверждения о явке.

До мероприятия оставалось всего два дня. Все в доме были как на иголках, в атмосфере чувствовалась напряжённость и нервозность. В саду установили дополнительное освещение, груды посуды и накрахмаленных салфеток ждали своей очереди в подсобке. Бутылки с лучшими сортами вин и водки стояли наготове в кладовой. В микроавтобусе привезены инструменты симфонического оркестра. Сергей, Алёна и Миша осторожно переносили их в гостиную.

– А что, нельзя было магнитофон через динамики включить? – спросила Мишку Алёна. – Дёшево и сердито.

– Дурочка ты, Алена, – снисходительно объяснял ей Мишка, – эти дамы и господа только живую музыку уважают. Хотя и ни хрена в ней не понимают.

– Мишка, следи за речью, – дежурно одёрнула его Алена. – А твои родители тоже приедут?

– Хрен... то есть, фиг его знает. Отец, может, и явится, а

маман – вряд ли. У них с дядей Славой биологическая несовместимость, хоть и родные. Они как встречаются, так маман сразу на него рычать начинает, как разъярённая тигрица. Впрочем, в прошлом году она была здесь. Тут такое творилось! Ты бы видела! Армагеддон! В этот раз куда скромнее будет. А по мне, так гораздо лучше.

– Сколько всего народу ожидается?

– Из фирмы только дядя Андрей и дядя Вася. Так что будет человек сорок-пятьдесят. Не больше.

– Ого!

– Разве это «ого». Вот в прошлом году было «ого», так «ого»! Больше ста человек гостей привалило. Всю дорогу и площадку перед домом машинами перегородили. Гудели – будь здоров! Дядя Слава тогда порядком перебрал и стал орать, что хочет прокатиться на коне, как Наполеон. Откуда-то конь белый взялся. Он стал на него залезать, а его любовница Маринка его стаскивать. «Слезай! – визжит, – убьёшься!» Смеху было! В общем, перепились все в усмерть. Меня Ирина Аркадьевна быстренько увела, чтобы я на разврат не паялился. Да разве тут уснёшь – всю ночь салюты бабахали, музыка гремела, женщины визжали, как будто их режут. Я в окно из спальни видел – в бассейне голые тётки плавали. На следующий день я слышал, как дядя Слава извинялся перед Ириной Аркадьевной за безобразие. Она ведь тётка интеллигентная, до пенсии в Министерстве культуры начальником отдела работала.

– Ирина Аркадьевна в Министерстве работала?!

– Ну и что. Не министром же. Айда, поможем Льву Ароновичу клумбу подправить, хотя и зря это, ей Богу. В суматохе, а потом в темноте на цветы никто и глядеть не будет, еще и перетопчут все. Вот старик огорчится.

– А у Вячеслава Вадимовича любовница есть? – вдруг спросила Алёна, когда они вдвоём с Мишкой подравнивали клумбу.

– Конечно, есть. И не одна. Я только Марину видел. По мне, так это швабра ходячая, такая длинная и тощая. И лицо вытянутое, как у гончей собаки или кобылы. Зато ведёт себя как сама английская королева: футы, нуты! Меня даже и не замечает, сквозь меня смотрит, как будто я стеклянный или меня вообще нет. Есть ещё у дяди Славы какая-то Наташа, то ли Юля, то ли Муля. Хр... фиг знает, в общем. Жениться ему надо, по-моему. Только не на Марине этой. И не на Муле. Была бы ты постарше немного, может, он бы на тебе женился.

– С чего ты взял, – расхохоталась Алёнка, – вот чудило. Хватит болтать, айда беседку искусственными цветами украшать. И не забудь, после ужина с часок алгеброй позанимаемся. И нечего тут морду кривить. Раз решили, значит, точка!

ГЛАВА 4

За два часа до приезда гостей всё практически было готово. Мишка, пока никого нет, гонял по дорожке на скейт-борде. Накануне позвонила его мать, сообщила Ирине Аркадьевне, что они с мужем не смогут быть на мероприятии, так как получили приглашение из Парижа на какую-то важную презентацию. Мишку это только обрадовало, он заявил Алёнке, что всё, что ни делается – к лучшему, по крайней мере, никто не будет стоять над его душой на предмет в какой руке держать вилку, в какой – нож, как пользоваться салфеткой, и как должны себя вести в обществе приличные мальчишки.

Вероника, Света и Ирина Аркадьевна убедившись, что всё необходимое сделано, ушли в свои комнаты переодеваться и приводить себя в порядок. Нина Петровна сказала, что ей и так сойдёт: кто её на кухне, кроме официантов, увидит. Алёна тоже направилась к себе. Её сиреневое платье было выстирано и тщательно выглажено накануне. Минут через пятнадцать к ней заглянула Света и застала её сидящей с ногами на кровати и читающей детектив.

– С ума сошла! – накинулась она на неё. – Нашла время! Почему физиономию в порядок не привела?

– А что в моей физиономии не в порядке? – испугалась девушка.

– Где макияж? Где следы туши, помады, румян и теней? Где, я тебя спрашиваю? Не пользоваться в твоём возрасте, да ещё в таких случаях косметикой просто неприлично. Я уже не говорю о том, что это ещё и неэтично, и неэстетично.

– Скажи ещё «непоэтично и неромантично».

– Говорю: непоэтично и неромантично. Быстренько пошли в мою комнату, буду из тебя человека делать.

– А сейчас я кто? – проявила интерес Алёна.

– Сейчас ты болванка, заготовка для человека. Такая безликая, пресная, неинтересная, примитивная болванка.

Света усадила Алёнку на стул, завязала ей волосы косынкой, чтобы не мешали, и принялась сосредоточенно химичить.

– Ты меня как матрёшку не разукрашивай, – на всякий случай попросила Алёна.

– Не бойсь. Сделаю тебе высокохудожественный лёгкий макияж под названием «а-ля – держитесь мужики». И не лезь с глупыми советами под руку, когда работает профессионал.

Когда Алёна через двадцать минут глянула в зеркало, то просто не узнала себя в красивой взрослой девушке, что смотрела на неё.

– Светка, ты волшебница! – ахнула она. – Тебе в салоне красоты колдовать над лицами, а не пыль с мебели вытирать. Как мне тебя отблагодарить?

– Да ладно тебе, – деланно заскромничала Света, – просто

завтра вместо меня сделаешь уборку. Только и всего.

– Миша, Алёна, делайте бутерброды с икрой. Только быстренько. Света будет резать батон, а вы намазывайте масло. Миша, вот упаковка с маслом, открой, – и Ирина Аркадьевна торопливо вышла. У неё была ещё целая куча дел.

Девушка заглянула в открытую упаковку.

– Миш, глянь, а в масле ягодки. Красивые такие. Фу, да они рыбой воняют!

Мишка расхохотался:

– Ну и темнота ты, Алёнка. Дремучая, как чукча в тундре. Это же икорное масло, специальное для бутербродов. Это икринки, а не ягоды. Их надо осторожно намазывать, чтобы не раздавить. Поняла? И давай, пошевеливайся, пока Ирина Аркадьевна для ускорения нам по шеям не дала. Цигель, цигель, ай-лю-лю!

Работа закипела. Они с Мишкой в четыре руки ловко делали бутерброды, укладывали их на широкие блюда, раскладывали на маленькие подносы заготовленные тосты с ветчиной, бужениной и копчёной стерлядью. Разливали охлаждённые напитки по высоким бокалам, вставляли соломинки и подавали их официантам на подносах. Раскрасневшаяся Нина Петровна рысью носилась по кухне, время от времени в суете сталкиваясь со Светой, которая тоже носилась пулей.

Наконец, наступил небольшой перерыв, когда все холодные закуски и напитки были поданы, а до горячего было ещё

далеко.

– Рекламная пауза! – громко объявил Мишка. – Давайте тоже пожрём, что ли. Обидно сдохнуть с голодухи, когда кругом столько всего, – и он сделал здоровый укус от трёх бутербродов, сложенных вместе, с аппетитом стал жевать.

Нина Петровна только рукой махнула, она варила в кастрюле какой-то особый острый соус к горячему, требующий максимальной концентрации внимания. Пока гости не разойдутся, ей сегодня будет не до еды.

– Хочешь рыбу в кляре? – спросил Алёну Мишка. Он как галантный кавалер считал себя обязанным поухаживать за дамой.

– Нет, Мишка, рыбу я потом поем. Я хочу барбекю.

– Так ешь, давай.

– Миш, а которое здесь барбекю? Вот это, что ли?

Мишка сложил вместе ладони и поднял глаза к небу, словно призывая Господа Бога в свидетели, как ему, бедолаге, трудно приходится с этой бестолковой Алёнкой.

– Это анчоусы, – терпеливо пояснил он, – для особо бестолковых повторяю по слогам: ан-чо-у-сы. Барбекю называется вот эта фигня. По-простому – жареные куски мяса.

– Вкуснятина! – причмокивала Алёна, пробуя мясо, и облизывая пальцы.

А потом опять пошла беготня с новой порцией напитков и прочей закуской. На лужайке время от времени раздавались взрывы смеха и аплодисменты. Там тамада что-то ве-

щал в микрофон своим трубно-энергичным басом. Потом через каждые несколько минут стал раздаваться в исполнении оркестра туш.

– Подарки вручают», – пояснил Мишка.

Ещё через полчаса раздались первые танцевальные звуки. Алёна выглянула в окно. Несколько пар медленно танцевали на подстриженной лужайке. В центре она разглядела Вячеслава Вадимовича в элегантном светлом костюме, синем галстуке и бледно-голубой рубашке, на котором повисла, словно на вешалке, тонкая длинная девушка с короткой стрижкой в серебристо-сиреновом платье до пят. Её неестественно длинные руки обвились вокруг его шеи, как лианы вокруг дуба.

– Видала, как вцепилась? – раздался над её ухом Мишкин голос. – Терпеть её ненавижу. Сквозь меня смотрит. Представляешь? Словно и нет меня, в природе не существует. Небось, одно на уме, как прибрать к рукам дядю Славу вместе с его деньжками. Только это у неё обломится. Это фиг вам, мадам!

– С чего ты взял?

– А я дядю Славу недавно спросил, женится ли он на ней. И знаешь, что он мне ответил? Он сказал, что есть женщины, с которыми встречаются, а есть женщины, на которых женятся. А потом сказал ещё, что это не моего ума дело, и что нос у меня еще не дорос, чтобы взрослым такие вопросы задавать. Но я-то не дурак, всё понял. Он ведь с ней уже два

года встречается, значит, жениться на ней вовсе не собирается. Мама говорит, что у дяди Славы была когда-то жена. Красивая, говорит, но очень вредная. Намучился он с ней, вот с тех пор жениться и не хочет. Мороженое хочешь?

– А есть?

– Целое ведро в холодильнике стоит. Будем потом на десерт раскладывать его по стаканчикам. Если, конечно, останется что-нибудь после тебя.

– Не бойсь, – поспешила успокоить его Алёна, – ведро я, пожалуй, при всём желании не осилю.

После того, как в разгар вечера гостям было подано горячее, Ирина Аркадьевна отпустила ребят.

– Пока можете идти. Без вас обойдёмся, – сказала она. – А ты, Миша, иди за стол, покушай по-человечески, там тебе с левого края тоже прибор поставлен.

Мишка за стол садиться отказался, сославшись на то, что уже наелся досыта всего на кухне, и утащил Алёну поглазеть, как гуляет народ. Они постояли поодаль, в кустах, посмотрели на танцующих гостей.

– Давай потанцуем, – предложил Миша.

– Ты что? Меня приглашаешь, что ли? Спасибо, сэр, за приглашение, – Алёна сделала глубокий книксен, – но мне там не место. Боюсь, Вячеслав Вадимович будет недоволен, если встретит меня в кругу своих почётных гостей. А уж Ирина Аркадьевна... так та просто испепелит меня за такую наглость.

– А давай здесь потанцуем? Здесь тоже музыка хорошо слышна. Давай?

– Давай!

– Они схватились за руки и, дурачась, стали кружиться вокруг куста сирени.

– Позвольте разбить вашу пару? – Вячеслав Вадимович, улыбаясь, смотрел на них. – Алёна, ты сегодня очаровательно выглядишь. Разреши пригласить тебя на танец, – и, не дожидаясь её согласия, он подхватил девушку под локоть и повёл в круг танцующих.

– Подумать страшно, что ещё совсем недавно я чуть было не угробил тебя, – говорил он ей в ухо, перекрикивая звуки музыки, – а, с другой стороны, я, хоть это и диковато звучит, страшно рад, что наехал тогда на тебя. Иначе мы бы никогда не познакомились, и я не взял бы тебя на работу в свой дом. Надо сказать, что твоё появление приятно скрасило моё жилище. Опять-таки, заполучил для Мишки бесплатного репетитора. Говорят, ты из него скоро профессора математики сотворишь.

– В школе это был мой любимый предмет после литературы.

– А что ты ещё любишь?

– Много чего. Мороженое люблю, цветы люблю, лето, небо, птиц и зверей. Племянников своих очень люблю. Я всё люблю. Весь мир!

– Что ж, остаётся тебе только позавидовать. А я вот много

чего не люблю. Как тебе сегодняшний вечер?

– Здорово! Мне очень нравится.

– А я тебе нравлюсь? – с улыбкой спросил он.

– Нравитесь, – серьёзно ответила она.

Музыка смолкла. Пары стали расходиться.

– Я приглашаю тебя на следующий танец, – он всё ещё не отпускал её, держа свою руку на тонкой девичьей талии.

– Спасибо, – улыбнулась ему Алёна, – но я не могу. Я здесь не гость, я на работе. Мне надо помогать на кухне. Я пойду, ладно?

– Ну, иди. Но помни: за тобой должок – танец.

Она опять улыбнулась ему, кивнула и пошла в сторону дома. К нему тут же подлетела Марина с недовольным видом.

– С каких пор ты начал путаться со своими служанками? – зло зашипела она. – Ты так паясничал на эту пигалицу, что люди могли подумать невесть что.

– Хоть сегодня не устраивай мне семейной сцены, тонкой девичьей миролюбиво, но с холодком в голосе попросил он.

– Не доводи меня до этого! Эгоист! Ты только о себе думаешь, а что у меня на душе – тебе плевать! Ты меня просто используешь! – она уже не контролировала себя, и её голос сорвался на крик. На них стали недоумённо оглядываться окружающие.

Он схватил её за локоть железной хваткой и, улыбаясь гостям, буквально потащил в сторону. В беседке, куда чуть ли не втокнул Марину, он встал так, что перегородил собой

весь выход. Глаза его недобро сощурились. Девушка поёжилась под его стальным взглядом, вся её злость моментально испарилась.

– Что ж, давай поговорим сейчас, раз тебе невтерпёж. Говоришь, я тебя использовал. А ты сама? Разве ты меня не использовала? Разве тебя когда-нибудь интересовало, что у меня на душе, как идут мои дела, что меня волнует? Тебя интересовали только две вещи во мне – деньги и постель, и если бы одна из этих составляющих твоего пристального интереса ко мне вдруг исчезла, ты, не мучаясь угрызениями совести, мгновенно бы оставила меня, – он вдруг замолчал. Сел на скамейку, потер ладонями лицо. Через минуту заговорил опять, откинувшись на спинку скамейки и прикрыв глаза, тон его стал гораздо тише и спокойнее. Мужчина словно рассуждал вслух: – Я думаю, что наша связь полностью исчерпала себя. Ты немало попользовалась мной и моими деньгами. Я купил тебе прекрасную квартиру и машину, ты ни в чём не знала отказа в своих потребностях. Что касается чувств, то надо честно нам обоим признаться, что их и не было никогда ни с твоей, ни с моей стороны. А сейчас я прошу тебя о последнем одолжении: в память о том, что было между нами, не порть мне торжество, и если не в силах сдержаться, то просто уйди. Либо ты сейчас вернёшься к гостям, и будешь мило улыбаться.

Он встал со скамьи, вышел и, не оглядываясь, пошёл туда, где гремела музыка, где праздник приближался к своей куль-

минации, где в это время гости по команде тамады дружно пили за здоровье виновника торжества, даже не заметив, что сам виновник отсутствует. Марина с минуту посидела в раздумье. Потом вздохнула, оправила волосы, приклеила на лицо голливудскую улыбку и отработанной походкой манекенщицы направилась в сторону гостей.

ГЛАВА 5

– Алёна, ты не знаешь где Вячеслав Вадимович? Недавно я его видела, а потом он вдруг исчез непонятно куда. В спальне его нет, в кабинете тоже, я весь дом обыскала.

– Я знаю, где он может быть. Он или в беседке, или на скамейке около мальчика. Я сейчас найду его, Ирина Аркадьевна, – и она побежала в сад.

Он лежал на скамейке лицом вверх, одна рука свесилась почти до земли. Рядом в тусклом свете фонаря задумчиво журчал каменный мальчик.

Алёна постояла над ним, вглядываясь в его едва белеющее в темноте лицо. Непонятное, странное чувство вдруг охватило её. Вот он лежит сейчас на скамейке, такой одинокий, беспомощный и беззащитный. И она может дотронуться до него, погладить его по руке, по волосам. Даже поцеловать. И никто в целом мире никогда не узнает об этом. Никто. Даже он. Она воровато оглянулась, опустилась на колени рядом со скамейкой и, медленно приблизившись, едва коснулась губами его родинки на щеке. И тут же отпрянула, вскочила, тронула его за плечо.

– Вячеслав Вадимович, проснитесь. Подъём!

Он открыл глаза, приподнял голову, увидел её, пьяно заулыбался:

– Алёночка, ты?

– Пойдёмте, я провожу вас в спальню.

Он с усилием поднялся, сел на скамейку, широко раскинув руки на её резной спинке, и запрокинул голову.

– Алёна, ты только посмотри, какие невероятные звёзды! Боже мой!.. Ты видела когда-нибудь такие звёзды?!

Она мельком глянула на небо.

– Я вижу их каждый вечер.

– А я давно не видел. Сто лет. Ах, Алёна, Алёна, какие звёзды! Просто невозможные!! Ты иди... Ты ничего не понимаешь. Ничего... Я так устал. Так устал...

Она нерешительно постояла перед ним, села рядом, переложила одну его руку себе на плечо и стала с усилием его поднимать.

– Пойдёмте, Вячеслав Вадимыч. Вам надо баиньки. Вы устали. Сегодня у вас был очень трудный день. Я всё прекрасно понимаю. Поспите, отдохнёте и завтра будете как огурчик. Вставайте же, я вас не смогу одна поднять. Вот и хорошо. А теперь пойдёмте потихоньку. ...Да-да, звёзды изумительные, просто совершенно невозможные...

Они добрели в обнимку до дома, медленно поднялись по ступенькам на крыльцо.

– Нет-нет, Вячеслав Вадимович, не туда. Пойдёмте в спальню, – они свернули направо. Она подвела его к двери его комнаты, толкнула её коленкой. Втащила тяжёлого мужчину в комнату, включила свет и доволокла его до кровати. Он плюхнулся на край постели, не отпуская её руку.

– Посиди со мной, а? – заглянул ей снизу вверх непривычно жалким взглядом.

– Мне надо идти. Я должна помочь Ирине Аркадьевне и Свете.

– Останься со мной, будь человеком. Мне что-то нехорошо.

– Я пойду, – она мягко выдернула свою руку из его ладони.

– Иди, – он вяло махнул рукой, – иди. Я не стою твоего внимания. Бросай меня. Все бросайте меня.

– Зачем Вы так, – она неожиданно для себя погладила его по голове. Волосы его оказались мягкими. Он непослушными руками перехватил её руку, неловко уткнулся губами в неё.

– Иди, – и он, отпустив её ладонь, рухнул на кровать.

– Спокойной ночи, Вячеслав Вадимович.

Ей никто не ответил. Она вздохнула, выключила свет и вышла, тихо прикрыв за собой дверь. С минуту прислушалась, что делается там, за дверью. Было тихо, и она побежала докладывать Ирине Аркадьевне, что хозяин уложен в кровать и спит. На кухне Света, Вероника и Нина Петровна мыли посуду, укладывали в холодильник оставшиеся продукты. Сергей и Мишка заносили в дом стулья.

– Носи со столов всё, что там ещё осталось, – скомандовала Света, и Алёна помчалась на лужайку.

Он проснулся почти в полдень. Жутко болела голова, про-

сто раскалывалась пополам. Во рту была страшная сушь, а в руках и ногах – слабость до противной дрожи. На столе, на подоконнике в вазах и горшках, и даже на полу в небольшом серебряном ведёрке для шампанского стояли букеты цветов. С трудом поднялся, подошёл к шифоньеру, глянул на себя в зеркало. Фу, ну и морда у него, как мятая несвежая подушка. Веки набухли и покраснели, под глазами мешки, а волосы сбились в мочалку. Пошёл в ванну, долго плескал себе в лицо холодной водой. Потом просто сунул голову под струю воды. Немного полегчало. Стал вспоминать, что было вчера. Поздравления и застолье в офисе помнил отлично. Всё было чинно и торжественно. Коллеги и подчинённые подарили ему коллекционную бутылку вина и японский дипломат-органайзер из натуральной кожи со встроенным в него ноутбуком. Дорогая штука, должно быть. Первую часть вечеринки дома он тоже помнил, а вот дальше пошли провалы в памяти.

Помнит, как танцевал с Алёной – она вчера такая красивая была, а Маринка потом шипела на него за это. Кажется, с ней полный разрыв, и, отлично, а то он уже и не знал, как бы поделикатнее от неё избавиться. Помнит, как его посадили на стул, и Андрей с Василием поднимали его тридцать шесть раз под аплодисменты и свист. Потом он, вроде, в саду плакался Андрею в жилетку на свою несчастную одинокую долю. Помнит, как лежал на скамейке и любовался звёздным небом. Потом Алёна волокла его в дом, укладывала спать, а он тянул её за руку. В постель звал что ли, козёл старый? Нет,

всё, он больше алкоголь в рот не возьмёт. Как выпьешь, так из человека в полного идиота превращаешься. В прошлом году чудил, потом несколько дней не мог в глаза домашнему персоналу и подчинённым смотреть, стыдился. Вчера тоже отчебучил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.